

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАУЧНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЖУКОВСКИЙ
ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Выпуск 3

Сборник научных трудов

Издательство Томского университета
2017

К.И. Дубовенко
(Томский государственный университет)

«СИМВОЛ ВЕРЫ» В НАСЛЕДИИ Е. ФОН РЕЙТЕРН И В.А. ЖУКОВСКОГО*

Изучение наследия позднего В.А. Жуковского в контексте его жизнетворчества с привлечением новых источников, открывающих ранее неизвестные факты о его семейном и дружеском круге общения в финальный период жизни в Германии, является сегодня актуальным направлением в отечественной науке о литературе¹. Особый интерес представляет исследование материалов из собрания рукописей супруги поэта, Елизаветы Жуковской, их совместные духовно-религиозные штудии, предполагающие, кроме прочего, чтение и индивидуальное осмысление духовной литературы в кругу семьи, которое стало неотъемлемой частью жизнетворчества позднего поэта, считавшего этот комплекс занятий своего рода «домашней церковью»². На то, какую роль играли традиции и привычки жены в жизни поэта, указывает И.Ю. Виницкий, замечая, что «ее психологический тип, воспитание и убеждения характерны для немецкого (более того, гессен-кассельского) культурного ареала, весьма далекого от России, хотя и исключительно привлекательного и важного для ее супруга»³. Один из интересных источников, открывающих подробности особой духовной связи, установившейся между буду-

* Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ (МД-4756. 2016.6).

¹ См.: Янушкевич А.С. В мире Жуковского. М.: Наука, 2006; *Vinitzky Ilya. Vasily Zhukovsky's romanticism and the emotional history of Russia.* Northwestern University Press, 2015; Никонова Н.Е. Ковалев П.А., Крупницкая Д.Е. Три «Узника» В.А. Жуковского: о стратегиях поэтического автоперевода // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2015. № 2 (34).

² Долгушин Д.В. Письма Е.А. Жуковской протоиерею Иоанну Базарову (1852–1854) // Вестн. ПСТГУ. 2013. Вып. 4 (53). С. 107–129.

³ Виницкий И.Ю. Немая любовь Жуковского // Пушкинские чтения в Тарту 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон: в 2 ч. Тарту, 2011. Ч. 2. С. 409.

щими супругами, с заглавием «Mein Glaubensbekenntnis» («Мой символ веры») был обнаружен в отделе рукописей РГБ. Полный текст немецкого автографа Е. фон Рейтерн, занимающий полторы страницы, приводится ниже:

Mein Glaubensbekenntnis.

Auf dem Grund der heiligen Schrift, und auf die Anleitung des apostolischen Glaubensbekenntnißes, glaube ich an Gott Vater, allmächtiger Vat[er] Schöpfer aller Dingen.

So ist ein Gott, der der vollkommenste Geist, der Glück und Liebe an allen Seinen Geschöpfe <нрзб.> zu gründen auch uns geschaffen hat, und auf Seine Gnade und unaussprechliche Güte und allen Menschen himmlischer Vater ist; Und Seiner heiligen Willen durch Sein Wort in der heiligen Schrift offenbart, ganzen Leben wissen soll, und durch Seinen eingeborenen Sohn, Jesus Christus zum <нрзб.> glauben, der empfangen ist vom heiligen Geist, geboren von Maria der Jungfrau, auf diese Erde gekommen ist, und <нрзб.>, sich selbst angenommen hat für uns und den ganzen Welt Sünden, gelitten unter Pontius Pilatus und gegraben ist, die Vergebung der Sünden, die Gerechtigkeit, die vom Gott geht, und damit uns durch <нрзб.> Leben in Seinem Namen, durch den Glauben an Jesu, der unser Mittler, Versöhnun[g] und Heiland unser. <...> [Jesus Christus] ist, niedergefahren zu der Hölle, am dritten Tage auferstanden von den Todten, aufgefahren in den Himmel, sitzt zur Rechten Gottes, des allmächtigen Vaters, zu richten die Lebendigen und die Todten. Ich glaube an den heiligen Geist, der vom Gott, unser himmlischer Vater und in Jesu Christo das heiligste Vorbild gegeben ist, und worauf wir Gott über alles lieben sollen und unsern Nächsten als uns selbst. Ich glaube an meiner heiligen allgemeinen Christlichen Kirche, die Gemeinschaft der Heiligen, Vergebung der Sünden und Geist: Auferstehung des Fleisches am jüngsten Tage, ewiges Leben, [ich] glaube voll Verteidigung an unserem dreieinigem Gott, damit Vater, Sohn und heiliger Geist.

Amen.

Düsseldorf, der 26. April 1839. Elisabeth von Reutern.

Подпись «Düsseldorf, der 26. April 1839. Elisabeth von Reutern», сделанная в самом низу документа, выполнена рукой В.А. Жуковского. Эта атрибуция говорит о том, что «Символ веры» написан за два года до бракосочетания, когда будущая супруга русского классика еще носила фамилию фон Рейтерн. Первое в том же 1839 г.

упоминание о Елизавете встречается в дневнике Жуковского, запись датирована 8 (20) июня: «Рисованье. Елизавета. Завтрак под деревом. Обед на старом месте. Музыка. <...>» (XIV, 503). Позже в письме родным от 10 августа – 5 сентября 1840 г. поэт прокомментировал эту лаконичную запись:

Я провел только два дня в замке Виллинсгаузен, и эти два дня были для меня минуты очаровательные. Старшая дочь Рейтерна, 19-ти лет, была передо мною точно как райское видение <...>. И всякий раз, когда ее глаза поднимались на меня от работы (которую она держала в руках), то в этих глазах был взгляд невыразимый, который прямо изливался мне в глубину души, и я бы изъяснил этот взгляд в пользу своего счастья, и он бы тут же решил мою судьбу, если бы только мне можно было позволить себе такого рода надежды и не должно было от себя всеми силами отталкивать подобные желанья, моим летам уже неприличные и только что для меня тревожные. Но что же? Этот взгляд говорил мне правду, о которой я не смел и мечтать. И этот вечер, без моего ведома, решил навсегда мою участь (XIV, 504).

Ровно через год 3 (15) августа 1840 г. Жуковский сделал предложение Е. Рейтерн и получил согласие. Свадьба состоялась 21 мая 1841 г. в Канштадте; поэт так описал это долгожданное событие в письме к А.И. Тургеневу: «<...> в уединенной надгробной церкви св. Екатерины совершился мой брак, тихо и смиренно» (XIV, 532).

Интересующий нас текст Е. Рейтерн, подписанный Жуковским, являет особое свидетельство той духовно-мистической связи, которая соединяла поэта с его будущей юной супругой. Кроме того, он открывает особый род словесности, освоенной Жуковским главным образом в 1840–1850-х гг. благодаря союзу с благочестивой Е. Рейтерн.

Символ веры как молитва представляет собой краткое и емкое изложение основ христианского вероучения, составленное и утвержденное на I и II Вселенских соборах. «Первое слово этого священного текста – Верую – связано с каждым последующим членом Символа и придает этому изъявлению общей веры христианского

народа характер личного участия и ответственности каждого члена Церкви, который произносит вместе с другими «верую»¹.

В истории церкви существуют два основных важнейших Символа веры: «малый» и «большой». Малым принято называть Апостольский символ веры, он несколько короче большого, Никео-Константинопольского варианта текста. Оба обладают ясной и четкой структурой, состоящей из трех частей и двенадцати пунктов и в каждом из них содержится особая истина. Однако подобное деление соответствует скорее европейской традиции, для Русской православной церкви каноническим является Никео-Константинопольский (или Никео-Цареградский): «К концу V века этот Константинопольский литургический Символ веры признается как полная и окончательная формулировка Никейского Символа, который она и заменила. Ему предстояло быть принятым повсюду как истинное «правило веры»². С одной стороны, несмотря на имеющиеся различия, Символ веры является одним из неоспоримых свидетельств единства веры всех христиан, связует католиков, протестантов и православных верующих, доказывая, что вне зависимости от различия национальных языков и культур христианство по сути своей едино. С другой стороны, в западной духовной традиции, восходящей к пиетистским воззрениям, особенно в протестантизме периода Реставрации, переписывание молитвенных текстов имело особое значение: строгие религиозные Символы веры, имеющие непреложный канон, считались излишне догматичными, куда более важными представлялись субъективное чувство верующего, концентрация на личном духовном опыте.

Немецкий текст, написанный Е. Рейтерн, без сомнения, основывается на обоих Символах веры, но ни один из них не повторяет в точности. Традиционно Символ веры начинается со слов «я верую» (нем. «Ich glaube»), однако Е. Рейтерн отмечает то основание, на котором зиждется индивидуальный вариант духовно-религиозного текста, поэтому молитва открывается словами: «Auf dem Grund der heiligen Schrift, und auf die Anleitung des apostolischen Glaubensbekenntnisses <...>» / «Согласно Святому Писанию и Апостольскому символу веры <...>», после чего следует непреложное:

¹ Лосский В.Н. Толкование на символ веры. М.: Благовест, 2008. С. 4.

² Там же. С. 6.

«glaube ich an Gott Vater, allmächtiger Schöpfer aller Dingen» / «верую в Бога, Отца всемогущего, Творца всего сущего».

Образ Бога в «Символе веры» супруги поэта подчеркнута мягко, его милость и отеческая любовь к людям выражены в нескольких дополнительных строках: «So ist ein Gott, der der vollkommenste Geist, der Glück und Liebe an allen Seinen Geschöpfe [нрзб.] zu gründen auch uns geschaffen hat, und auf Seine Gnade und unaussprechliche Güte und allen Menschen himmlischer Vater ist» / «(верую) во единого Господа, который создал нас и даровал совершеннейший дух, счастье и любовь всем творениям своим и по милости Своей, по неизъяснимому благу Своему стал всем людям небесным Отцом». Строгую 12-частную структуру религиозного текста Е. Рейтерн дополняет еще одним важнейшим символом христианства – знаком Слова Божьего: «Und Seiner heiligen Willen durch Sein Wort in der heiligen Schrift offenbart» / «И по собственной Воле Святой явил Слово Свое в Святом Писании», который отсылает нас к самому началу, к акту создания.

Еще одним интересным дополнением Символа веры является упоминание святого примера Иисуса Христа и выполнение данной им заповеди: «<...> und in Jesu Christo das heiligste Vorbild gegeben ist, und worauf wir Gott über alles lieben sollen und unsern Nächsten als uns selbst» / «<...> и в Иисусе Христе дал святейший пример, следуя которому, мы превыше всего должны любить Всевышнего, а ближнего своего – как самого себя». Сохраняя исходный канон, Е. фон Рейтерн не просто повторяет основные догматы церкви, скорее, напротив, написание становится своего рода актом творчества, в котором на первом плане оказались моменты, ставшие организующими для повседневного жизненного уклада юной немки: чтение Святого Писания, следование образу жизни, который заповедал Христос, оттого молитва ее не только искренна и красива с точки зрения формы, но и практична, применима в христианской жизни. Однако если рассматривать «Символ веры» супруги Жуковского в контексте духовной атмосферы протестантизма середины XIX в., то он, без сомнения, является примером весьма строгого ортодоксального текста, поскольку, учитывая настроения того периода, было бы позволительно сделать его намного более субъективным. Так, сюжет сошествия Иисуса в ад, который взят именно из Апостольского симво-

ла веры, в этом отношении очень показателен, так как само упоминание об аде для того времени уже не было симптоматичным¹.

Интересно, что тексты основных Символов веры в католичестве и протестантизме абсолютно идентичны, единственным различием является предложение в конце молитвы «Ich glaube an <...> die heilige katholische Kirche» / «Я верую <...> в святую католическую церковь». Приверженцы протестантизма заменяют слово «katholisch» / «католический» на слово «allgemein» / «единый». Однако по сути никакой замены не происходит, поскольку «католический» (от греч. «кафоликос») в переводе означает «всеобщий», «единый». Это одно и то же слово только на разных языках: «католический» – по-гречески, «единый» – по-немецки. В «Символе веры» супруги Жуковского использовано слово «allgemein» / «единый», так как она принадлежала к протестантской церкви. В русской православной традиции греческое слово «katholike» переводится как «соборная церковь». Основное структурное деление в тексте Е. Рейтерн никак не выделено графически, однако не составляет труда восстановить последовательно все двенадцать членов. Так, 1-й член говорит о Боге Отце, члены со 2-го по 7-й говорят о Боге Сыне, 8-й – о Боге Духе Святом, 9-й – о Церкви, 10-й – о крещении, 11-й и 12-й – о воскресении мертвых и о вечной жизни:

Е. фон Рейтерн
Мой символ веры (перевод мой. –
К.Д.).

Символ веры (русский перевод)²

Согласно Святому Писанию и Апостольскому символу веры

(1) верую в Бога, Отца всемогущего, Творца всего сущего.

1. Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, всего видимого и невидимого.

¹ Выражаем глубокую признательность Штефану Липке SJ (Католическая гимназия г. Томска) за консультации по вопросам теологии, а также ценные советы и замечания.

² Закон Божий: Руководство для семьи и школы. СПб.: Сатисъ, 1997. С. 419–420.

- (2) (верую) во единого Господа, совершенного Духа, который создал нас и даровал счастье и любовь всем творениям своим и по милости Своей, по неизъяснимому благу Своему стал всем людям небесным Отцом. И по собственной Воле Святой явил Слово Свое в Святом Писании,
- (3) чтобы мы знали, как необходимо вести жизнь свою во Христе, едином родном Сыне Его, зачатом от Духа Святого, родившегося от Марии Девы. В нем – прощение грехов, справедливость Божия и жизнь наша во имя Господа через веру в Иисуса, ибо он – наш посредник и Спаситель, несущий умиротворение. Христос был явлен миру, распят, умер и погребен, сошел в ад,
- (4) сошедшего на землю, дабы принять на себя все страдания этого мира, при Понтии Пилате распятого.
- (5) в третий день воскресший из мертвых,
- (6) взошедший на небеса, сидящий одесную Бога Отца Всемогущего,
- (7) откуда придет судить живых и мертвых.
- (8) Иисус Христос дал святой пример, следуя которому, мы превыше всего должны любить Всевышнего, а ближнего своего – как самого себя.
2. (Верую) и во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, рожденного от Отца прежде всех веков; Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, несозданного, одного существа с Отцом, через Которого все сотворено;
3. Для нас, людей, и для нашего спасения сшедшего с небес, принявшего плоть от Духа Святого и Марии Девы и сделавшегося человеком;
4. Распятого же за нас при Понтии Пилате, страдавшего и погребенного;
5. И воскресшего в третий день, согласно с Писаниями (пророческими).
6. И восшедшего на небеса и сидящего одесную Отца;
7. И опять имеющего придти со славою судить живых и мертвых, Царству Которого не будет конца.
8. (Верую) и в Духа Святого, Господа, подающего жизнь, исходящего от Отца, поклоняемого и прославляемого равно со Отцом и Сыном, говорившего через пророков.

(9) Верую в Духа Святого, свяую Вселенскую христианскую Церковь,	9. (Верую) и во единую Святую, Соборно-вселенскую и Апостольскую Церковь.
(10) (исповедую) святое крещение во оставление грехов,	10. Исповедую одно крещение во оставление грехов.
(11) (ожидаю) воскресения плоти к жизни вечной.	11. Ожидаю воскресения мертвых.
(12) Верую в триединого Бога нашего, во имя Отца и Сына, и Святого Духа.
Аминь.	12. И жизни будущего века.
Аминь.

Дюссельдорф, 26 апреля 1839 г.
Элизабет фон Рейтерн¹

Правильным представляется рассматривать «Символ веры» Елизаветы фон Рейтерн в контексте духовно-назидательной традиции немецкого бидермайера. В этот период происходила сознательная переориентация на утраченные после революции ценности пиетизма, что влекло за собой ренессанс различных духовных практик, и написание подобного «Символа веры» представляется весьма симптоматичным.

Известно, что подобные тексты были у Новалиса и Беттины фон Арним, весьма любопытны в этом отношении проповедь Гердера, написанная ко дню крещения ребенка И.-В. Гете, и завещание Л. Бетховена. Эпоха Реставрации, по выражению мюнхенского профессора Фридриха Зенгле, ознаменовалась «возрождением немецкого христианства»². В своем трехтомном исследовании «Эпоха Бидермайера» он указывает на то, что существующее в истории литературы понимание бидермайера слишком узко, подчеркивая, что на самом деле «основание, на котором покоится эпоха бидермайера, социально гораздо шире и в философско-эстетическом отношении значительно глубже, чем даже в античной классике и романтизме,

¹ Приписано рукой В.А. Жуковского.

² *Sengle F. Biedermeierzeit: deutsche Literatur im Spannungsfeld zwischen Restauration und Revolution 1815–1848. Stuttgart, 1971. Bd. 1. S. 141.*

что никак не позволяет уложить это течение в тесные «промежуточные» рамки»¹. Что же касается духовного бидермайера, аудитория которого значительно превосходит аудиторию бидермайера светского, то этот жанр осознанно вобрал в себя вечные ценности христианства: «Его представители приравнивают самосознание к грехопадению, видя в нем стремление отделиться от паствы, ведущее исключительно к одиночеству и отчаянию. Такие авторы, как Й. Готтхельф (1797–1854) и Кристоф фон Шмид (1768–1854), не уставали превозносить простую и искреннюю веру народа. <...> Показательно, что и проза, и поэзия духовного бидермайера наполнены бесчисленными христианскими жанровыми картинами крещения, венчания, различных церковных праздников, которые имели фольклорный колорит, но выполняли более важную религиозную функцию, призывая неверующих и заблудших к возвращению в христианскую общину»². В духовном бидермайере новую жизнь получили такие жанры, как роман-проповедь, церковные песнопения, духовная поэзия, традиционным стало изучение древней истории под знаком христианства, в частности обращение к классической поэзии Гомера.

Сам В.А. Жуковский, очевидно, не без влияния тех риторических форм, которые были близки его окружению и его супруге, в поздних своих размышлениях, также пришел к своего рода индивидуальному осмыслению Символа веры, понимая его как жанр, тип дискурса³. В частности, в неизданных «Мыслях и замечаниях», работу над которыми поэт осуществлял в период с 1844 по 1847 г., он дополняет 12-частную композицию Символа веры двумя составляющими, принципиально важными для русского православного миропонимания. Так, модель христианского мира не мыслилась Жуковским без *самодержавия*, которым, по его мнению, определялось уникальное своеобразие русского народа:

Она (церковь. – К.Д.) проповедовала верность царям и основывалась на том, что сия верность есть устав Божий, и это тем было

¹ Sengle F. Biedermeierzeit... С. 118.

² Там же. С. 127.

³ Никонова Н.Е. В.А. Жуковский – современник педагогического века Германии: немецкая литература о воспитании и творческие искания поэта 1840–1850-х гг. // Имагология и компаративистика. 2014. № 1. С. 87–124.

неопровержимее, что в сей верности заключалась тогда единственно возможная безопасность личная и независимость общая; иго татарское (общее бедствие) наиболее укоренило в народе это чувство, и оно сделалось не рабским чувством необходимой покорности, требуемой железной властью одного – но высоким, произвольным, от отца к сыну переходящим, силою предания хранимым, церковью освященным чувством, *дополнительным членом символа веры* (курсив мой. – К.Д.), голосом истории, знаменем судьбы народной, синонимом слова отечество, словом, религиою, благословением все-народным пред властью вышнюю, перешедшую в земную. В царе выразилось отечество, и это стало общей верою, а эта вера облагородила, осватила покорность и сделалась живым источником (XIV, 307).

В «Мыслях и замечаниях» Жуковский подчеркивает важность авторитета церкви, которая говорит о Христе, вводит слово Святого Писания в деятельную жизнь человека, сопровождает все основные вехи жизни – рождение, создание семьи, покаяние и уход в мир иной:

Итак, первый акт произвольный нашей воли есть сия покорность церкви, которой учение относительно Христа Спасителя и писаний, о нем возвещавших, должны быть для нас непреложны. Как мне церковь на своих соборах повелела принимать то, что заключается в Святом Писании и какой символ веры из него истекает, то для меня и остается ненарушимым (XIV, 312).

Однако он и ограничивает ее влияние, функция церкви задается как исключительно посредническая:

Здесь ясно означаются и границы самой веры – церковь не есть Христос, а вождь и путь к Христу. Я верю в церковь, я верю в нее, как в средство, дающее мне веру во Христа, а не она предмет моей веры (XIV, 312).

Открытым остается лишь вопрос, какая вера должна быть сначала: вера во Христа посредством церкви или же вера церкви посредством Христа:

Но если церковь есть посредник между мною и Христом, то кто будет посредником между церковью и мною? На ее авторитете утверждена моя вера во Христа или лучше сказать в С<вятом> п<исании>, из которого я уже сам почерпаю веру во Христа. На каком авторитете утвердится вера моя в церковь? Я верю во Христа, потому что церковь говорит мне: верь; но я верю в церковь, потому что она установлена Христом и что она есть его представитель (XIV, 314).

С точки зрения Жуковского, модели, существующие в протестантизме и католицизме, не могут быть удовлетворительными: у первых отсутствует авторитет церкви, он разрушен, а потому толкование Святого Писания предоставлено разуму и истинной вере нет места. Во втором случае авторитет церкви, напротив, чрезвычайно силен, но на каком основании покоится вера католиков в церковь, остается неясным. «Cercle vicieux, из которого весьма трудно вырваться», – заключает Жуковский (XIV, 314)¹. Наличие подобных вопросов, очевидно, в известной мере навеяно теми настроениями, которые определяли духовную жизнь немецкого мира, где роль церкви и ее влияние были постоянными предметами неутихающих споров.

Важным моментом является и то, что Символ веры у Жуковского подвергается всестороннему осмыслению, он органично вписан в контекст философского дискурса «Мыслей и замечаний», что уже само по себе находится в русле западной духовно-назидательной литературы. Размышления о постулатах церкви были не свойственны отечественной православной традиции 1840-х гг., священные тексты не принято было превращать в предмет рефлексии, пусть даже и под знаком христианства. Исключение составляли, пожалуй, только сочинения А.С. Хомякова о соборности и церкви, однако и здесь виден европейский след. Как известно, Хомяков активно делился своими мыслями и идеями на страницах переписки с немецким богословом К. Бунзенем, который был и другом Жуковского²

¹ Порочный, заколдованный круг (фр.).

² Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и немецкий мир. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. С. 454–471.

(их переписка опубликована впервые Н.Е. Никоновой) и англиканским священником У. Палмером.

С филологической точки зрения «Символ веры» представляет собой особый словесный жанр, «своеобразную квинтэссенцию религиозных чувств и представлений»¹, который вызывает живейший интерес исследователей. Уже не одно десятилетие не утихает спор о «Символе веры» Ф.М. Достоевского, научное сообщество предлагает все новые и новые интерпретации и пути исследования этого вопроса; некоторые из них кажутся особенно интересными.

Так, Р.Ф. Бекметов в своей статье предлагает уйти от узкорелигиозного понимания «Символа веры», навязанного религиозной филологией (в свете которого основные положения о противоположности Христа и истины, сформулированные Достоевским, представляются ошибочными и полностью отчужденными от православного понимания жизни), и значительно расширить контекст, переведя, по выражению исследователя, «сакральную формулу автора из биографического и историко-литературного контекста в плоскость культурных отношений по оси «Запад – Восток»². Бекметов указывает на важность привлечения далеких культурных контекстов в процессе понимания конкретного явления и справедливо замечает, что «мировоззренческая формула Ф.М. Достоевского по-настоящему открывается не только в контексте самобытного творческого развития писателя, но и на фоне богатых культурных традиций и учений Востока»³. Автограф Е. Рейтерн, подписанный первым русским романтиком, а также его последующие размышления о Символе веры позволяют адекватно представить себе далекий от отечественного культурный контекст в процессе понимания мировоззренческих основ наследия позднего Жуковского.

Рассмотрение Символа веры с «буквальной», «неметафорической» точки зрения также имеет место в современной науке. Впервые подобный метод был предложен А. Вежбицкой, которая интер-

¹ Бекметов Р.Ф. Еще раз о «символе веры» Ф.М. Достоевского (к восточному контексту мировоззренческой формулы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. №7 (37): в 2 ч. Ч. I. С. 30.

² Там же. С. 31.

³ Там же. С. 33.

претировала таким образом ряд евангельских притч¹. Этот же подход использовал и В.А. Бурцев, доказывая на примере православного Никео-Цареградского варианта, что «в основе Символа Веры лежит имплицитная система основных норм православного мироощущения, которая эксплицируется во множестве других религиозных жанров»². Интересен вывод о двойном дискурсивном статусе Символа веры: с одной стороны, это вероучительный текст, который фиксирует религиозное знание, а с другой – текст, отображающий религиозное ощущение Бога. Бурцев отмечает, что на подобное понимание Символа веры натолкнули полученные в результате анализа семантические формулы, «с точки зрения которых объективно существующие в языке Символа представления о Боге, вере, смерти, вечной жизни, Церкви, Царствии Небесном воспринимаются через эмоции и чувства»³. Автограф Е. Рейтерн, полученный В.А. Жуковским в подарок от будущей супруги, также открывает целую палитру чувств и эмоций, этот документ фиксирует установление внутренней связи, особого духовного диалога, когда невеста веряет всю будущую жизнь свою жениху, для Жуковского – это рождение нового «милого вместе», надежда на которое, казалось, была окончательно утрачена.

Как известно, в истории русской литературы вообще, и особенно в русской поэзии XIX в. произошло активное освоение молитвенной формы самовыражения и мирозидания. «Для поэтов XIX века молитвенная традиция в ее ритуальном и эстетическом (например, в парафрастических жанрах) планах была органичным явлением, а живое восприятие православной обрядности сосуществовало с интересом к мировым религиям. Так в русской лирике появляются «Молитва бедуина» А.Н. Майкова, «Молитва Парии» Ап. Григорьева, «Ave Maria» А.А. Фета, «Stabat Mater» В.А. Жуковского и «Stabat

¹ См.: *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 731.

² *Бурцев В.А.* Православное мироощущение сквозь призму лексических универсалий (на материале «Символа веры») // *Язык. Текст. Дискурс.* Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК. Вып. 7. Ставрополь, 2009. С. 138.

³ Там же. С. 138.

Mater» Л.А. Мея»¹. В наследии первого русского романтика представлен целый ряд стихотворных молитв, среди которых «Молитва Русского народа» (1813) (носившая в одной из ранних редакций название «Молитва русских»), где «тема соборной молитвы за царя, как представителя верховной власти на земле, развивается в недрах русской православной традиции, восходящей к общехристианской»².

Э.М. Афанасьева отмечает, что несмотря на созвучность национальной религиозной традиции, идея этого стихотворения заимствована Жуковским из другой культуры, указывая на источник русского гимна – британский гимн «God save the King!». Известно, что тема самодержавия долгое время не оставляет ангела-хранителя русской поэзии, находя выражение в стихотворении «Русскому царю» (1813), в «Песне Русских солдат» (1834), «Русской народной песне» (1833), постепенно все прочнее утверждаясь в русской литературе и превращаясь в своего рода символ эпохи. Очевидно, что тема эта не оставила его и в поздний период житнетворчества – то, что на первом этапе отразилось в молитвенной лирике, в 1840–1850-е гг. стало частью «Мыслей и замечаний», дополнительным членом собственного «Символа веры». К позднему периоду относятся и две другие «молитвы» – уже упоминавшаяся «Stabat Mater» (1838), ставшая «цветком Жуковского» на могиле Пушкина, и «Всесилен Бог, Пред Ним всеильна вера...» (1841), навеянная чтением легенд о киевских чудотворцах, сюжет которой был почерпнут Жуковским из «Пролога», сборника житий и поучений. В свете новых архивных источников тема молитвенного дискурса поэзии Жуковского представляет собой интересную перспективу исследования.

«Символ веры» супруги Жуковского гармонично вписывается в духовно-назидательную традицию немецкого бидермайера, на фоне которого протекал и финальный этап житнетворчества русского классика. Во многом благодаря духовному бидермайеру Жуковскому открылись миры, отличные по национально-культурной идентичности, религиозной духовности, литературному слогу, исчезла граница, отделявшая его от языка Гомера. Исследование материалов

¹ *Русская стихотворная «молитва» XIX века: антология / вступ. ст., сост., примеч., библиогр.* Э.М. Афанасьевой. Гомск: «STT», 2000. С. 9.

² Там же. С. 10.

из собрания рукописей супруги поэта позволяет дополнить представления о том, что играло ключевую роль в определении творческих интенций его житетворчества в конце 1840 – начале 1850-х гг. Новый материал, который открывает немецкоязычный автограф Е. Рейтерн, имеет несомненную источниковедческую ценность и лишний раз подтверждает, что рассмотрение наследия позднего В.А. Жуковского сквозь призму немецкого мира и близкого окружения поэта 1840–1850-х гг. – актуальный ракурс современного жуковсковедения.